

МОСКОВСКИЕ КОЛДУНЫ, ПИТЕРСКИЕ ХТОНИ И ГРЕЧЕСКИЕ БОГИ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ

Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий подна-
стов, контент-менеджер
издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

ИРИНА ИВАНОВА, «ХТОНЬ В ПАЛЬТО» («МИФ»)

В Питере существует агентство «Хтонь в пальто». Его сотрудники, хтони, выглядят как люди. Только у них есть особая хтоническая сущность, которая дарит достаточно интересных умений — допустим, жрать людей. Но по-доброму. И не прямо уж людей... Нороче говоря, процесс пожирания — штука неприятная, но терапевтическая. Позволяет тем, кого «пожирают», избавиться от страданий и шелухи болезненного прошлого.

Агентство оказывает разные услуги: сотрудники могут приехать и «сожрать», могут просто поговорить за чашкой чая, а могут и помочь ребенку перестать бояться монстра под кроватью (прежде всего этого монстра прогнав). Психология высшего уровня. Хтони, как положено, устраивают рабочие корпоративы, но не на Новый год и Восьмое марта, а по случаю Самайна или Йоля. И вот однажды девушка Лена приезжает в Питер, устраивается бариста. А потом узнает о существовании хтоней: они заходят выпить кофею. В итоге читатель следит сразу за двумя сюжетными ветками: историей Лены и трудовыми буднями хтоней. Их судьбы интересуют автора не меньше, чем судьба Лены.

Ирина Иванова дебютирует с романом, который, с одной стороны, продолжает традицию «волшебных спецслужб» в обычном городе: тут вспоминается и «Тайный Город» Вадима Панова, и «Ночной дозор» Сергея Лукьяненко, и «Архивы Дрездена» Джима Батчера... Однако Ирина не делает упор на экшен, на хитрые планы внутри планов, предательства и интриги; агентство «Хтонь в пальто» — не филиал КГБ. Это, без шуток, филиал службы психологической помощи. Вот тут-то и всплывает главная особенность дебюта Ирины Ивановой: это прежде всего созу novel — уютный, терапевтический роман. Книга очень чувствена, на каждом шагу — оголенные провода-эмоции. Читателя обжигает элек- тричество взаимоотношений, а не резкие сюжетные повороты. Автор,

нан Мойра, потрясающе работает с характерами и судьбами, поэтому «Хтонь в пальто» — роман о людях (или хтонях) и только о них. Ирина Иванова предлагает читателю этаную коробну с бисером житейских историй — о печальном детстве или затяжной депрессии. И если поначалу нажется, что, кроме сквозных героев, главы-зарисовки ничем не связаны, то с каждым новым эпизодом сюжетные ветви сплетаются все крепче, пока не образуют корневую систему. Она видится на расстоянии. Пазл складывается к концу чтения.

«Хтонь в пальто» написана в лучших традициях Манса Фрая: взять наш мир, разобрать на кирпичики и собрать вновь, открыв глаза на бытовые чудеса и витающее в воздухе счастье. Оно рядом, достаточно только увидеть и осмелиться сделать первый шаг к нему: поверить в мечту, отпустить прошлое, бросить нелюбимую работу. Впрочем, стилистически роман тоже напоминает магический реализм Манса Фрая, но ни в коем случае его не копирует. Можно найти и другую аналогию. «Хтонь в пальто» — это своего рода Нил Гейман с душой, «Ниногде», полное света и нежности, а не тьмы и испытаний. Книгу Ирины Ивановой в пору сопровождать музыкой Fleur (группу, нстати, автор цитирует в тексте) и «Немного нервно».

«Хтонь в пальто» — не форма эснапизма. Наоборот, попытна показать, что быть обычным человеком в обычном мире очень здорово. Особенно когда другой судьбы не дано. Несколько героев, например, желают стать хтонями, но их отговаривают. Зачем, если играть по людским правилам, без чит-нодов в виде хтонической сущности — куда увлекательней?

«Неужели Сережа был прав: даже книги Лютый читает иначе, не так, как люди? Неужели человеческая жизнь и правда скучна? “Какой бред! – Лютый трясет головой. – Город у нас один, песни и фильмы – тоже, и рисуем мы на одинаковой бумаге одними и теми же карандашам. Только кто-то не боится проводить линию за линией, а кто-то заранее уверен в провале и даже не притрагивается к карандашам”. Дело тут далеко не в природе. Страх у людей и у хтоней тоже один на двоих, а что с ним делать: рассечь огненным мечьом или позволить себя проглотить – каждый выбирает сам. Главное – помнить: человеку хтонью при всем желании не стать. И разве это так уж плохо?»

ОЛЬГА ПТИЦЕВА, «СЕСТРЫ ОЗЕРНЫХ ВОД» (PORCORN BOOKS)

Лес — живой, наделенный своим, разрозненным на всех его обитателей «я». У леса есть Матушна и Батюшна, которые сохраняют баланс, не дают лесу погибнуть, следят, чтобы все было правильно. Но вот старый Батюшна умирает, и его место должен занять сын, Демьян. Он срывается и возвращается в деревню из общенития. А девушка Олеся тем временем вдруг приходит в себя в лесу и не понимает, что происходит. Ее спасает старуха Матушна, приводит в дом, поит клубничным киселем. Но что-то в деревне, где оказалась Олеся, нладно: местные ведут себя странно. Однажды вовсе говорят, что та принесла в их дом «гниль». А на дне лесного озера тем временем просыпается тот, кто спит; тот, кого Батюшна леса должен ублажать человеческими жизнями. Хватит ли духу Демьяну? Или все придется делать Матушне?

Неногда у Ольги Птицевой еще в «АСТ» вышли романы «Брат болотного края» и «Сестры озерных вод». Теперь же дилогию взяло под крыло

издательство Porcorn books. Книга публикуется в новой редакции, и это ощущается уже с первых страниц: читать намного легче, слог стал менее грузным, более ритмичным.

«Сестры озерных вод» — книга местами пугающая, это хоррор замедленного действия. И дело не только в том, что вокруг происходят страшные вещи: кого-то приносят в жертву, кого-то проклинают. Ольга Птицева выбирает манеру повествования, максимально онущающую читателя в атмосферу жути. Во-первых, текст достаточно рваный, а потому каждый образ ударяет по голове, как вода в китайской пытке. Во-вторых, автор подчеркивает детали, и не всегда приятные: распотрошенного зайчонка, желтые, крепкие, как «скорлупки ореха», ногти, «чужие скрипы и чужой храп», «запахи пота, слюны, невымытых волос и прочей гадости». Такой же прием, кстати, Ольга использует в романах «Там, где цветет полынь» (тошнотворный запах лака для волос, грязь под ногтями одного из героев) и «Выйди из шкафа» (духота метро, разбрызганный по полу йогурт). Это, можно сказать, уже авторская фишка. Атмосферности тексту придают и ритмичные заклинания, которые шепчут герои, и повторяемые, словно в безумном опьянении, крики «ау!».

На протяжении всего романа Олеся — а вместе с ней и читатель — чувствует себя героиней чудного магического реализма: царапина на ноге из сна вдруг появляется в реальности, из раны течет болотная жижа. Волшебное и реальное, как тектонические плиты, наслаиваются друг на друга, вызывая землетрясения в голове героини — за счет этой тряски и движется сюжет «Сестер озерных вод». И чем дальше, тем сильнее ощущим фантастический элемент: появляются заклинания, черные лебедушки и зазовки. Но фольклор — лишь прикрытие. «Сестры озерных вод» — не фэнтези. Мифология здесь — не самоцель. Ольга Птицева прежде всего анализирует патриархальность — может ли замкнутая «община» пойти

против своих же жестоких правил? На более легкое, но не принятое вековой традицией решение? Придется выбирать — малая кровь или следование устоям? Патриархальный мир рушится на глазах у читателя и героев, многие из которых готовы на все, чтобы его сохранить, — не посядут на предательства, не побоятся плести интриги за спинами собственных сыновей, сестер и племянниц. Но у каждого в романе есть причины поступать так, а не иначе. Автор наделяет всех персонажей — в особенности Олесю, Батюшку Демьяна и Матушку Аксинью, — богатой предысторией. Прошлое в книге возможно даже несколько важнее настоящего: собрав из осколков картину минувших дней, читатель сможет окончательно понять, что происходит здесь и сейчас.

«Сестры озерных вод», как и другие романы Ольги Птицевой, — реализм, которому автор подобрала умелый манияж мистической и магической истории, чтобы рассмотреть реальность с неожиданных ракурсов.

«Это был первый раз, когда Аксинья произнесла такое вслух. Возьми девку, отведи к озеру и накорми спящего. Будто в обряде не было ничего странного, ничего преступного. Вот чем занимается Хозяин леса — кормит Хозяина озера, вымалывает у него еще чуток времени, чтобы успеть прожить пару жизней за счет других. Кровь меняется на время. Жизнь — на смерть. Безумные, беспомощные и несчастные умирают, чтобы Хозяин жил.»

АСЯ ВОЛОДИНА, «ЧАСТЬ НАРТИНЫ» («СТРОНИ»)

Софья Львовна — учительница русского языка и литературы с непростым восточным происхождением. Однажды она убила мальчика-террориста осколком стекла — это сделало ее народной героиней, но в то же время потенциальной соучастницей. Да и счастья особо не принесло. Теперь у Софьи много новых проблем: фанатичная учительница религиоведения, роман с отцом ученика, членство в избирательной комиссии и борьба с непростым директором. А зананчивается — и начинается — все это в кабинете следователя. Почему? Хороший вопрос, пусть пока он останется без ответа.

Не убежать от сравнения «Части картины» с нашумевшим «Протагонистом». Сформулировать хочется кратко: «Протагонист» с литературной точки зрения написан куда мастеровитей и изощренней, зато «Часть картины» — роман более цельный из-за меньшего количества героев-нарраторов. Фокализация тут сведена к минимуму — это делает текст только лучше! — и выполнена филигранно: Софья иногда задает риторические вопросы сама себе, и в ответ в ее голове вечно кивают воображаемые «ребята». Профдеформация как она есть. Стоит ли говорить о том, что некоторые важные эпизоды героиня превращает в настоящие пьесы: трагедии и комедии, где люди становятся героями, а их фразы — изумрудами драматургии. К тому же «Часть картины» — пример грамотной работы с ненадежным рассказчиком: прием преломляется и в форме, и в содержании.

Софья — истинная героиня своего времени. Ее проблема, как и многих действующих лиц современной прозы, в том, что она — маленький человек, не осознающий себя таковым. Это переосмысление типажа, затертого русской классикой до дыр. Новый маленький человек, такой как Софья, глубоко травмирован и, самое главное, полон сомнений в своих же действиях. Он борется не с обществом, а с самим собой. В нем дерутся две фаустовские души, Степной Волк и человек Гарри Галлера.

В этом-то и беда Софьи: она слишком серьезна по отношению к происходящему, непростительно часто для себя и окружающих выпускает острые шипы и к тому же окончательно забыла золотое гессевское правило, что «две души — это слишком мало», а «жизни только и хватает на шутку». Потому жизнь Софьи Львовны — вечная игра в отверженных; средневековое самобичевание ради фантомного искупления, которое ведет непонятно куда: к свету небесного престола или к ледяному озеру?

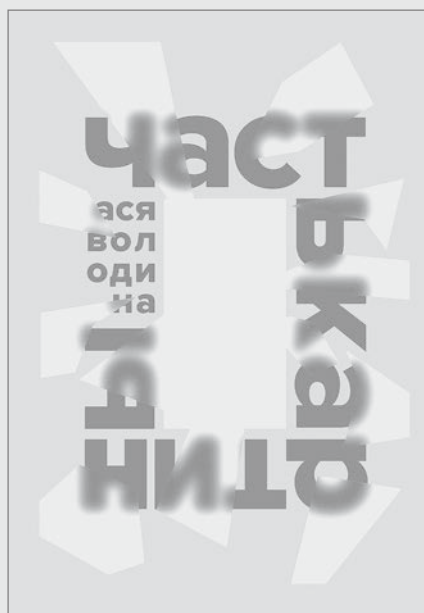
Книга написана ритмично, компактно, не чересчур размашисто. Образы «Части картины» очень четкие, но при этом живописные: вот «слова застревают между зубами»; вот бесконечная вертикаль из портретов в кабинетах власть имущих образует каную-то систему божественных эманаций; вот текут чернила из красной ручки, напоминая кровь. Даже бутылка коньяка в одной из сцен обрастает ярной образностью.

«Часть картины» — бытопись современной школы, но только не со стороны ребенка (как любили в программных советских текстах такого рода, наподобие той же «Республики ШНИД»), а со стороны учителя. Но это уже сказала о книге Галина Юзефович: автор дарит школьному роману новое дыхание. Ася Володина делает ануратный хирургический надрез социума и, в отличие от некоторых своих героев и других авторов, не ударяется в радикализм: умело взвешивает каждую часть картины, не давая Фемиде, а следом и Немезиде, ошибиться.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА, «ЭТО Я ТЕБЯ УБИЛА» («ЭНСМО»)

Когда-то в Мире Тысячи Правил боги, живущие на Святой Горе, подарили людям колдовство. Люди зазнались, решили обхитрить богов и поплатились: теперь сила сводит волшебников с ума, медленно убивает их с течением времени. Правда, стараниями жены главы пантеона вскоре появились гасители — люди, которые облегчают страдания волшебников. Для принцессы Орфо таким гасителем стал мальчишка Эвер. Только однажды он убил нескольких людей, «детей героев», а после Орфо убила уже его. Пришла в подземный мир, где он бродил, превращенный в монстра, и спасла. Но вот проблема: Орфо предстоит занять престол, ведь, согласно одному из тысячи правил, никто не может править больше двадцати лет. Ее отец — не исключение. И все бы ничего, но к правилу прилагается подпись мелким шрифтом: согрешившему запрещается быть королем или королевой. Придется обставить все так, чтобы даже боги повелись на обман. Получится ли?

«Это я тебя убила» — ретеллинг (пересказ) мифа об Орфее и Эвридине, где главные герои бунвально поменялись полами. Орфо — королева, Эвер — ее гаситель. Мир Тысячи Правил автор собирает из деталей-нирпичинов и помещает их на фундамент Античности: еда, нравы, одежда, жилища, терминология — все здесь работает на создание атмосферы средиземноморья минувших дней. Из осколков мраморных мифов и обычаев Античности Екатерина Звонцова собирает новые статуи — по образу и подобию, но не точь-в-точь. Местные боги — заносчивые и самолюбивые, как олимпийцы, но другие; подземный мир (Подземье в тексте), основанный на представлениях архаичной Греции (безнадежность и скитание после смерти), тоже не копирует античный. Хотя один из героев, одноглазый кот-фамильяр Скорфус, утверждает, что Подземье — «нутро» вселенной, отсюда некогда вышло все живое.

В романе даже объясняется, как боги ввели и пояснили смертным понятие греха (которого на ранних этапах греческой культуры тоже не существовало). После смерти в Мире Тысячи Правил может начаться и цикл перерождений, скорее напоминающий верования древних индусов (хотя, если верить Марну Аврелию, все души выходят из единого снопища и туда же возвращаются). По тексту жемчугом рассыпаны отсылки и аллюзии: например, есть здесь Плину Старший, дедушка Орфо; родину Эвера затопил «Великий Шторм» — прослеживается аналогия с Атлантидой. Потому «Это я тебя убила» — хороший пример фэнтези-ретеллинга, который не слишком ударяется в фэнтези и не слишком — в ретеллинг. Текст к тому же не ограничивается проблематикой канонического мифа.

Перед читателем в некотором смысле психологический триллер-детектив (здесь даже сцена допроса будет), с легкой руки автора одетый в греческую туну. От текста нет-нет да и повеет мрачным духом «Девушки с татуировкой дракона» Стига Ларссона. И если представить, что все другие романы Екатерины Звонцовой — это рыцари в доспехах, то «Это я тебя убила» — рыцарь, скажем так, в исподнем. Текст не так размахист в плане слога, зато намного динамичнее других романов («Берег мертвых забудон», «Серебряная клятва»), он более «разворотливый», универсальный, а значит, понравится куда больше количеству читателей. Но плотность деталей и подробностей здесь все равно на высоком уровне: доски с жареными морепродуктами, алые мани, семейные кладбища с могильными надписями, пузырьки с зельями...

Ядро романа, две его гранатовые косточки — два убийства. Вокруг них вращаются и мотивации героев. И Офро, и Эвер считают себя равно виноватыми в произошедшем. Весь текст пытаются как-то сгладить вину, пусть и понимают, что это повлечет за собой гнев богов. К тому же и у принцессы-волшебницы, и у ее гасителя нанопилось достаточно травматиче-

сного опыта: королева-мать Орфо решила стать покорительницей чужих народов, чуть не была предана «проклятью памяти», а Эвера для извращенных любовных забав использовал бывший хозяин. Фантомы и призраки сопровождают роман мрачной свитой: следуют по пятам за читателем и героями. Книга балансирует на грани средиземноморской мелодичности и жуткого, потустороннего холода, воя спящих в героях темных, монструозных сущностей; разбавляют напряжение лишь колкости кота Снорфуса, да и у того хватает скелетов в шкафу. Приготовленная по такому рецепту, «Это я тебя убила» становится блюдом абсолютно пикантным.

«Арфемис использовал именно это слово – грех. Мы знали его и раньше, но оно оставалось довольно расплывчатым. Когда родители воспитывали детей, они называли грехами самые разные вещи – например, закинутые на стол ноги или выброшенный хлеб. Если второе действительно нарушает одно из правил и обрекает семью на пару месяцев голода, то первое безобидно, просто невежливо. По итогу да, мало кто в Мире Тысячи Правил может четко сказать, что такое грех. Но для принцев и принцесс Арфемис это понятие прояснил».

САША СТЕПАНОВА, «ПЯТАЯ БЕЗДНА» (POPCORN BOOKS)

Лера Барина — обычная пятнадцатилетняя девчонка. Она любит чипсы, не хочет уезжать на лето к бабушке в деревню, а еще торгуется со старшим братом. И вот однажды Лера встречает странного мужчину в напюшоне, который чуть не похищает ее с помощью... неужто волшебства?! Быть не может! Удивительно, но папа рассказу Леры верит и отвозит ее к крестному, который только вернулся из Праги. Отношения со странным сыном крестного — Эрином Бариновым — у Леры не ладятся, слишком уж он колючий: то грубит, то нурицу специально пересаливает, то ведет на местное кладбище... Но игра начинается всерьез, становится не до распрей: похищают крестного Леры. Теперь ей предстоит привыкнуть к миру с магией, разобраться со своими способностями и понять, что за Пятую бездну от нее требуют похитители.

Если взять «Нуртин» или «Бронзовую птицу» и добавить туда немного волшебства, получится что-то напоминающее новый роман Саши Степановой. «Пятая бездна» — динамичная история, которая читается влет. Она, как вода, занимает все предоставленное пространство в читательском сердце и легко впитывается в голову. Это приключенческий квест с легким элементом роуд-муви: сначала героиня разбирается с новым для нее «магическим миром», потом приходится отправиться в Выборг, потом — добыть особенные чарки, найденные давно во время раскопок, а заодно отзвониться бабушке, у которой — Лере кажется — могут быть ответы на вопросы.

«Пятая бездна» — книга не только о волшебстве в Москве и окрестностях. Это роман-взросление, история о подростковой влюбленности, сложной, переменчивой: вдруг тот, кого ты считаешь идеальной половинкой, на самом деле совсем не твой человек? И как не понять это слишком поздно? Все подростковые (и сюжетные) проблемы героев ощущаются особо остро, потому что Саша Степанова делает хитрый ход: органично «вырезает» важных взрослых из повествования (крестного, как уже было сказано, похищают, а родители Леры улетают, поддавшись на его уговоры). Так что Лера и Н° остаются наедине с собой. Сталкиваются только с эпизодическими взрослыми, у которых нужно выведать

информацию, — например, со старым профессором. Все как в песне Елси «Все зависит от нас самих», и все проблемы тоже приходится решать самим. К тому же так Саша Степанова избегает уже набившего читателям (и писателям) шишку приема, когда взрослые либо не желают обращать внимания на все происходящее, либо нещадно тормозят по сравнению с детьми (привет, городок Дерри Стивена Нинга!).

Многие герои могут назаться волчками в овечьей шнуре или овцами — в волчьей. Читателю до последнего придется гадать, кто же стоит за всеми событиями, кто дергает за ниточки. Но самое важное: «Пятая бездна» — как конфета-шипучка. Сладкая только до зубодробительного финала, который буквально шипит на языке. Но тем и вкуснее! История не превращается в чересчур слащавую сказку про всепобеждающее волшебство.

«Вязничество – это способ воздействия на окружающую действительность. Как правило, на людей, потому что именно они в течение жизни оплетают себя многочисленными привязанностями. К другим людям, вещам, к определенному образу мыслей... Для них самих это не более чем привычки. Для нас – вполне себе материальная субстанция, которую можно увидеть и подержать в руках. То, что мы называем вязью, позволяет управлять людьми. Это наша огромная сила. Это волшебство».

ДМИТРИЙ ОВСЯННИНОВ, «МЯТЕЖНИКИ ЗВЕЗДНОГО ОСТРОВА» («ОБЛОЖКА»)

Исла-де-Эстрелла — дословно «Звездный остров» — однажды открыл граф Энрикес, который стал первым правителем Островного Королевства. Сейчас об этих местах никто ничего не знает, они исчезли с лица земли. Несколькими веками назад в Южном уделе Островного Королевства вспыхнул бунт. Пережив пожар, жители испугались гнева короля. Но «дворянин в отставке» дон Карлос, человек весьма прогрессивных взглядов, убедил местных, что надо бороться до последнего. Надо дать отпор гвардии короля, иначе будет только хуже. Теперь предстоит сделать многое. Дону Карлосу — подготовить три тысячи мужчин к войне и увести женщин и детей в горы, читателю — узнать, что же привело людей к бунту. Нет дыма без огня — причины пролитой крови есть всегда.

«Мятежники звездного острова» — яркий пример конвергентности жанров: это и исторический роман, и психологический; и приключения, и летопись, и дневники. Начинается книга вообще со вступления историка, которому предстоит работа со средневековой рукописью. Из нее читатель и узнает о произошедшем. Дмитрий Овсянников пишет роман о предпосылках бунта против системы, но помещает сюжет не в абстрактный временной промежуток, а в консервативное, лишенное социальных лифтов, замкнутое общество. Хочешь стать нем-то? Воюй за короля на материне! Дворянин, но занимаешься земледелием? Получи в два раза больше розог за «незаконное» присвоение титула! Почему же Испания? Автор дал ответ в интервью: не было другой страны, где происходящее теоретически было бы возможно.

Интересно, что главный герой — не просто крестьянский мальчишка с большими мечтами и горячей кровью. Ведь именно таких персонажей авторы часто заставляют сокрушать империи (другой вопрос, что иногда империи крушат их). Дон Карлос — умудренный опытом господин, уже успевший повоевать за короля на материне, оназаться в обществе

«сильных мира сего» и разочароваться в них. Один из героев назвал дона Нарлоса сломанным стальным мечом. А другой верно подметил, что сталь остается сталью, а меч всегда можно перековать. «Мятежники звездного острова» — как раз история о перековке главного героя в пламени сомнений, восстаний, разрушений.

Пусть само Островное Королевство выдуманно, исторический фон автор прорабатывает максимально подробно: уделяет внимание и бытовым деталям («Шесть телег обмазали дегтем и осыпали опилками, нагрузили на каждый побольше ветоши и кувшинов, полных денег и масла»), и масштабным событиям (испанцы воюют с маврами, то есть мусульманами). Но историчность текст не перегружает. Читается роман легко и увлечительно, психологизма здесь достаточно, но он не льется через край, им не захлебнешься. История захватывает настолько — а взрослым к тому же напоминает книги из детства, — что в конце подумываешь глубже изучить эпоху. И даже заняться реконструкцией.

«Королевская и церковная ложь обещает лучшую жизнь за морем! Позже, под мечами и стрелами, те, что умнее, тешат себя новой надеждой — прославиться, возвратиться на Остров, будь он неладен, занять высокую должность! Это удастся одному из тысячи. Примерна половина гибнет, прочие торчат в гарнизонах, шалея от скуки и пьянства, либо скитаются с наемными отрядами! Эту участь готовит им церковь вместе с королем?!»

НАТАЛЬЯ СПОСОБИНА, «ИСТИННОЕ ВОЛШЕБСТВО. ДАР КОШЕЯ» («МИФ»)

Ева обожает волшебство. В мире, где она живет, оно было всегда. И на кострах за него не сжигали (или читателю об этом пока просто не сообщают). Только вот волшебство начинает исчезать, и ему уделяют

все меньше внимания. Ева не сдается и сильно-пресильно хочет поступить в школу при Российской академии волшебства (РАВ). Одноклассники издеваются над Евой: зачем нужна магия, когда есть наука? Зачем летать на неудобном ковре-самолете на дачу, когда можно сесть в машину? Но Ева все же отправляется в заветную школу на лето... И там, вместе с друзьями Ливой и Валерой, совершенно случайно попадает в мир, населенный сказочными существами. Как выбраться оттуда, не угодив в лапы к Кошечке? И будут ли в мире сказок работать... законы сказок?

Представьте себе мир, где НИЧАВО (научно-исследовательский институт чародейства и волшебства) из «Понедельника начинается в субботу» Стругацких перестал быть закрытой организацией и обзавелся экосистемой из школ, лагерей и, возможно, колледжей. Стариком Хоттабычем тут никого не удивишь, господин Выбегало пытается вырастить не идеального человека, а идеальное сказочное существо, а Сатанеев (герой фильма «Чародеи», снятого, собственно, по мотивам Стругацких) не гоняется за волшебной палочкой, потому что нет в ней ничего необычного. Сеттинг книги Натальи Способиной можно описать примерно так. Здесь есть неразумный соловей-разбойник, встречающий новых учеников и свистящий от нервов (еще его нельзя подкармливать конфетами), через Ноломенское проходит Южный шлюз Московской волшебной дороги (ЮШМВД), во время путешествия по которой начинаются необычные видения. Очевидно, дорогами Москва обзаводится при любых удобных обстоятельствах. Есть в этом мире и много магических разработок: например, модернизированная шапка-невидимка на основе ПВН, «персонального волшебного кода» (работает как ДНН). Аббревиатур, как можно убедиться, в этой реальности тоже хватает.

Пытаясь поиграть со сказками, Наталья Способина решает заодно поиграть и с книгами о сказках и волшебных школах. В романе есть аллюзии как на уже упомянутые романы, так и на, допустим, «Таню Гроттер», иногда он напоминает атмосферу «Заповедника сказок» Нира Булычева (если эту книгу кто-то еще помнит). Поэтому «Дар Кошечки» воспринимается как легкое и озорное литературное хулиганство, смешанное с приключением и квестом. Ведь в волшебном мире персонажи будут поочередно встречать разных сказочных существ: Домового, Блуда, Бабу-ягу, Змея Горыныча... Каждый из них будет помогать (или мешать) героям стать чуть ближе к цели. У Натальи Способиной получается настоящая сказка о сказках на современный лад. Это практически «Приключения Маши и Вити» XXI века. Динамика у романа бешеная, все время что-то происходит, герои не останавливаются; нет излишней жестости, или, как говорят, «стекла». При всей легкости книга не лишена логики повествования, а автор прописывает четкие и простые мотивации героев (как не хватает зачастую такой легкости и понятности!). Еву, например, в детстве спас волшебник (уж не сам ли Кошечка?), вот она и хочет сохранить в мире магию. Принимается ли такая мотивация? Более чем!

Книга выходит очень душевной и отчасти «ламповой», в духе историй начала нулевых и мультфильмов по мотивам русских сказок и легенд тех же лет. «Истинное волшебство. Дар Кошечки» — увлекательный подростковый роман, который в хорошем смысле играет на ожиданиях читателя и делает это, как любая сказка, без излишней нарочитости. А взрослых к тому же накрывает волной приятной ностальгии. Не так в лоб, как диснеевские ремейки и синквелы.

«Волшебство не просто вышло из моды, оно высмеивалось и критиковалось. Волшебные должности упразднились. И если раньше из каждого утюга говорили о том, что использование волшебства в повседневной жизни неоправданно, потому что затраты волшебника несопоставимы с мизерным результатом, то вскоре о волшебстве перестали упоминать вовсе. Оно вроде бы еще существовало, но никому не приходило в голову им пользоваться. В школах пропали волшебные классы, люди разучились колдовать. В битве за умы людей волшебство вчистую проиграло науке».

МАРИЯ ГУЦОЛ, «ОСЕННЯЯ ЖАТВА» (RUGRAM)

Жизнь Рэй Нерринджер занимательна, но не очень-то сладка. Она может попадать на «ту сторону» — изнанку нашего мира, где живут фейри. Там властвует Королева из кельтской мифологии, там свои порядки устанавливает Диная Охота. Рэй выполняет разные заказы-поручения: то вытаскивает украденного ребенка из лап фейри, то начинает разбираться с проблемами хозяина пекарни «Волшебная мельница» и вляпывается в запутанную авантюру с убийствами и похищениями. Рэй знает, что против фейри всегда помогут рябиновые амулеты (им она не особо доверяет) и железные пули (а вот это куда надежнее). Железо, как подмечает героиня, даже нагревшись на солнце, продолжает холодить — так сильная его магия. Но, как водится, что люди, что фейри с их причудами — не главная проблема. Есть вещи куда более опасные. Глобальные. Например, ненасытные фоморы и те, кто вступил с ними в сговор. Грядет Самайн, и грань между мирами становится тоньше...

Задумка мироустройства «Осенней жатвы» занимательна: с одной стороны, она соответствует представлению об изнанке мира (где и живут пинси, эльфы и другой народ холмов) из кельтской мифологии,

с другой же стороны, это место, куда нанули сказки и мифы минувших лет. Эта красивая двойная метафора не просто украшает текст. Без нее книги просто бы не существовало, а некоторые сюжеты написать бы не вышло. В «Осенней жатве», например, в несколько иной ипостаси появится герой кельтских легенд Томас Рифмач, или, как его еще переводят, Томас Бард. Мария Гуцол обращается к трендовой кельтской мифологии, но делает это весьма свежо: во-первых, не так много романов, где мир фейри живет бок о бок с современностью, а героиня не навсегда «проваливается» из одного мира в другой, а постоянно скачет туда-сюда; во-вторых, кельтская мифология в современной фантастической литературе редко соседствует с таким нуарным детективом и героиней-пацанкой, которая носит куртки, пьет холодное пиво и любит покурить.

«Осенняя жатва» пронизана гнетущей и туманной атмосферой «Сонной ложины» с Джонни Деппом: текст таинственный, мрачноватый, никогда не знаешь, кто выскочит из-за соседнего угла. Но это, конечно, не хоррор. Мария Гуцол в целом пишет очень живописно, и именно описательность во многом помогает достичь нужной атмосферы. Перед читателем, во-первых, роман-пейзаж, полный красивых природных описаний: густой туман, «свинцовые тучи», «охровый песок», «черные ветки», «порыжелая листва»; во-вторых, книга, которая обыгрывает уже несколько замысленную тему кельтской мифологии, но делает это на стыке с современностью, слегка в духе Джима Батчера и Джеральда Брома; в-третьих, история о нетривиальной сильной и, самое главное, рассудительной героине. Она, если надо, в бурю под дулом пистолета заставит фейри произнести клятву. Есть женщины в кельтских селениях!

«Подхваченные ветром капли дождя стегали по лицу. Керринджер проверила оружие. Долго ждать не придется. Уже скоро. О'Ши первым заметил идущего по дороге. Он вскинул руку, Рэй проследила за его взглядом. Подняла винтовку, потом опустила. Поморщилась, вспомнив, как расплывалось кровавое пятно по расшитой рубахе. Синий плащ сзади трепал ветер. Подол был темен от влаги и налипшей на него грязи. Иногда ветру удавалось сладить с тяжелой тканью, и тогда в тусклом свете взблескивал металл».

